

Олег Хархордин

ДРУЖБА: КЛАССИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ЗАБОТЫ

Проблематика дружбы многим кажется не связанной с основными вопросами современной российской политики — укреплением вертикали власти и становлением правового государства. Однако это впечатление может быть ошибочно. Во-первых, как я пытался показать в своих статьях о гражданском обществе (Хархордин, 1997; Kharkhordin, 2005: 60), дружба, будучи широко распространенным и хорошо знакомым всем и каждому в России феноменом, где налицо благожелательность и взаимопомощь в отношениях между людьми, могла бы стать полезным ресурсом для становления гражданского общества. Например, с ее помощью можно переместить фокус политической дискуссии с вопроса о путях построения сильного — и часто бесконтрольного — государства на вопрос о том, как возможно сильное общество. Во-вторых, мало исследована дружба внутри тех групп, которые составляют основные борющиеся за власть группировки на федеральном, региональном и местном уровнях, учитывая последствия дружбы между людьми уровня Гайдара и Чубайса в 1990-е годы или между некоторыми деятелями путинского окружения в 2000-е годы. В-третьих, хотя у нас до недавних пор проблематике дружбы не уделяли должного внимания, следует помнить, что в трудах таких классиков политической мысли, как Аристотель, Цицерон и Августин, она занимает центральное место. Дело в том, что для этих мыслителей дружба не ограничивалась рамками приватной сферы, которая нам теперь кажется имеющей лишь маргинальное политическое значение. Более того, то, что они писали о «политической дружбе», может подсказать решения многих проблем современной России. Конечно, сегодня нельзя просто копировать выводы и использовать рецепты, которые мы находим в их трудах. Потребуется как интерпретация проблем современной России, так и переосмысление тезисов самих классиков на основании тщательного исследования существующих практик российской дружбы.

В настоящей статье показаны возможные направления такого исследования: сначала будет продемонстрирована значимость дружбы как важного ресурса сплочения общества, а затем представлен обзор дебатов по проблеме дружбы в мировой политической теории. В конце главы мы обсудим вопрос о релевантности политических теорий дружбы для современной России.

ДРУЖБА В РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ

Думать о дружбе как о социальном ресурсе я начал в середине 1990-х годов, когда в бурной новой жизни, полной демонстрирующих золотые цепи бандитов, горящих по ночам киосков, просящих подаяния старушек и падающих в голодный обморок ученых, дружба оказалась одним из явлений, которые спасли страну от социального коллапса. Действительно, на фоне глубокого истощения всех остальных ресурсов мирной социальной интеграции дружба представлялась чуть ли не единственным широко распространенным, естественно воспроизводимым ресурсом, спланивающим расползавшееся общество и поддерживающим его хоть сколько-нибудь предсказуемое функционирование. В то же время выяснилось, что тема дружбы в коммунистических и посткоммунистических обществах была почти не исследована. Несмотря на ее универсальный и всепроникающий характер, в Советском Союзе было удивительно мало научных исследований по проблеме дружбы. Одним из заметных исключений были работы Владимира Шляпентоха — опубликованные им, правда, уже в эмиграции — в которых он описал дружбу как одно из центральных социальных отношений в СССР. Например, автор использовал данные эмпирического исследования 1981 года, чтобы подчеркнуть разницу между советским и американским восприятием дружбы и то особое значение, которое советские люди придавали дружбе: 15,8% советских респондентов встречались с друзьями ежедневно, 32,3% — один или несколько раз в неделю, и 31,2% — несколько раз в месяц. В США в тот же период цифры были существенно ниже: холостые люди встречались с друзьями в среднем 4,49 раза в месяц, семейные — 3,08—3,55 раза (Shlapentokh, 1989: 171). В СССР такой показатель как время, непосредственно проведенное с друзьями, превысил показатели, соответствующие всем другим видам досуга, за исключением просмотра телевизора (Shlapentokh, 1984: 240).

Приводились следующие причины этого: с друзьями можно было поговорить по душам; друзья выступали источником информации либо недоступной, либо альтернативной по отношению к информации в официальных СМИ; друзья помогали доставать редкие товары и обеспечивали доступ к услугам в условиях экономики дефицита. По этой причине советские официальные источники никогда не восхваляли дружбу: газета «Правда» не посвятила личной дружбе ни одной передовицы. Единственное советское научное исследование, которое прямо касалось этого предмета, было в большей степени посвящено изложению философских концепций и исторических взглядов на дружбу политически нейтральных мыслителей от Аристотеля до Гегеля, чем анализу особенностей советской дружбы. Однако и оно подсказывало, что безоговорочное доверие и возможность в любое время откровенно обсудить личные проблемы делало советскую дружбу неофициальной моральной ценностью (Кон, 1987: 324).

Мое собственное исследование коллектива как базовой ячейки советского общества показало, что крепкая личная дружба вызывала подозрение у властей, так как приводила к формированию «ложного коллектива», который мог однажды начать противодействовать официальному. Дружба помогала строить неформальные сети, которые подрывали систему коллективного надзора и советскую дисциплину (Хархордин, 2002). Понятно, почему дружба вызывала ярость со стороны сталинского режима: случалось, что друзья не предавали друг друга даже тогда, когда официальный коллектив выступал против одного из них. Вернее, высокое звание друга приобреталось постфактум: другом считали того, кто не предал тебя, хотя для него самого ситуация была чревата опасностью; с таким человеком можно делиться самыми сокровенными мыслями, потому что он не выдал тебя даже под давлением. Таким образом, в условиях повседневного сопротивления системе, частная дружба в Советском Союзе стала в какой-то момент одной из высших ценностей неформальной жизни. Говоря в терминах Талкотта Парсонса, любая аскриптивная категория человеческих отношений ставилась под вопрос при угрозе репрессий: дети доносили на родителей или отказывались от них, жены предавали мужей и наоборот и т. д. В отличие от этого, «друг» был не аскрипцией, а достижением, это был статус, выкованный террором и потому достававшийся ценой немалых усилий и мужества.

Конечно, особая ценность личной дружбы в неформальной жизни обуславливалась не только атмосферой террора, но и тем, что в советское время дружеская сеть оставалась главной ареной индивидуализации, то есть получения знания о своей личности и формирования своей личностной идентичности. И в этом смысле показательно, что эта функция российской дружбы не исчезла и в 1990-е годы при радикальном ослаблении репрессивных возможностей государства. Поэтому можно сказать, что дружба в России не сильно зависит от состояния государственных институтов.

В своей первой книге я писал, что дружба в современной России важна потому, что именно друзья образуют арену для экзистенциально значимой коммуникации, которая формирует основополагающее представление о собственной личности. Я попытался показать, что время от времени, представляя свои поступки на суд значимых для тебя других — тех, на кого обычно полагаешься в выработке адекватной самооценки, советские граждане заимствовали для своих неформальных целей практики официальной чистки среди членов партии. Чистка же, в свою очередь, базировалась на трансформированных покаянных техниках самопознания, веками практиковавшихся в православном христианстве (Хархордин, 2002: особенно главы 2 и 5). То есть люди добровольно представляли себя на суд значимого для них сообщества и происходило это в таких обыденных ситуациях, как дни рождения или знаменитые кухонные обсуждения этических вопросов.

Иными словами, в позднем советском обществе ценность дружбы устанавливалась и поддерживалась в контексте конфликтов более мягких, но в то же время более широко распространенных, чем во время массовых репрессий. Повторю, что одновременно дружба служила главной ареной для формирования личности. И чтобы называться настоящим другом и быть допущенным к ритуалам и аренам формирования личности близких друзей, по-прежнему сначала нужно выстоять против внешнего и иногда угрожающего натиска. Межличностные отношения, включающие двух, трех и более друзей, образовывали невидимую основу повседневной жизни в Советском Союзе. Эти отношения делали жизнь одновременно и терпимой и интересной как для советских граждан, так и для советологов, обреченных проводить исследования в условиях серых ландшафтов советской жизни. Действительно, кто бы смог долго жить в обществе, сплошь состоящем из послушных, смирившихся с судьбой людей-

роботов, оболваненных идеологией и запуганных возможностью нового террора?

**ДРУЖБА КАК
СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ
ИНТЕГРАЦИИ**

В постсоветской России дружеские связи также составляют очень важную часть социальной сферы. Анализ показывает, что дружба пронизывает весь ряд как трансформированных элементов советского общества, так и новых социальных единиц, которые вместе и образуют постсоветское общество. Причем дружеские сети, прежде существовавшие как бы на оборотной стороне официальной жизни, теперь стали ее очевидной частью. Так, они превратились в значимый элемент постсоветского делового мира и того, что некоторые наблюдатели называют современной разновидностью «кланового государства». Некоторые сети друзей институционализировались, их члены заняли ключевые должности в правительстве и бизнесе, иногда представляя собой ядро облеченных государственной властью групп.

Однако в научном смысле нужно быть вдвойне осторожным, употребляя подобные термины. Начнем с того, что само слово «клан», ставшее популярным после знаменитой статьи Дэвида Старка “Privatization in Hungary: From Plan to Market or From Plan to Clan?” (Stark, 1990), здесь, в качестве базовой метафоры, оказывается неудачным: было бы натяжкой представлять отношения зависимости или патронажа в России по модели шотландских родовых связей. Скорее, используя набор категорий, предложенный в классической статье Эрика Вольфа, в нашем случае мы можем представить себе преобразование отношений внутри равноправной дружбы в отношения внутри «клики», а затем и в патрон-клиентские отношения (Wolf, 1977: 172–175). Дружеская сеть, объединявшая в советское время более или менее равных людей, могла преобразовываться в постсоветский период в процессе совместной погони за прибылью или властью именно в клику, которая определяется как группа, скрепленная не многогранным и комплексным личностным интересом друг к другу, а всего лишь «набором ролей, связанных с конкретной работой». Короче говоря, дружеская сеть утрачивает функцию экзистенциально важной коммуникации и преобразуется в простую группу относительно равных предпринимателей, вместе преследующих политиче-

ские и экономические цели, что в принципе на каком-то этапе дает повод для множества конфликтов, включая обвинения в предательстве.¹ Если последующее развитие событий приводит к возникновению более очевидных различий в статусе между членами группы, то клика может превратиться в сеть патронажных отношений, когда один «большой человек», переходя с одной должности на другую, тащит за собой всех лояльных ему клиентов.

И клика, и патрон-клиентские отношения не новость даже для России XX века. Так, уже Ригби привлек внимание к кликам как основным агентам междоусобной борьбы за власть в сфере «теневого политики» (*crypto-politics*), характерной для поздней советской системы (Rigby, 1990), да и до этого патрон-клиентские отношения были одним из самых распространенных феноменов в сталинской системе. Достаточно посмотреть на описания того, как в 1930-е годы вместе с новым директором на завод приезжала армия управленцев среднего звена (Kotkin, 1995: 76), и на попытки Сталина искоренить это явление (Fitzpatrick, 1999).

В отличие от клик и клиентел, дружба является «поливалентной» сетью равных и близких партнеров, которые искренне интересуются самыми разными проблемами друг друга (Volker, Flap, 1995), а не только проблемами, связанными с работой (как в кликах) или с выдачей подачек в обмен на лояльность (как в клиентелах). Таким образом, те дружеские сети, которые устояли перед соблазном начать совместную погоню за прибылью и властью, по-видимому, все так же сохраняют функции, которые они выполняли прежде. Такие сети дают индивиду базовые средства социального обеспечения и защиты, но что еще более значимо, они обеспечивают существование сфер экзистенциально важной коммуникации, где формируются и раскрываются личности участвующих в них людей.

В целом, сферу постсоветской жизни можно представить таким образом. Группы, похожие на советские коллективы по механизмам функционирования, но существующие уже вне рамок надзора прежней плановой системы (назовем их «постколлективы») и недавно созданные на принципах жесткого индивидуализма новые бизнес-организации объединены в постсоветское общество с помощью

¹ Лучшим литературным описанием того, что происходит с сетью советских друзей, когда они начинают вместе заниматься бизнесом, является знаменитый роман бывшего топ-менеджера ЛогоВАЗа (Дубов, 2000).

целого спектра публичных, полупубличных и чисто частных поставщиков услуг безопасности. Эти поставщики безопасности используют угрозу физического насилия для обеспечения предсказуемости поведения связываемых ими гражданских организаций. Слабое и дисфункциональное государство 1990-х годов способствовало появлению большого числа таких поставщиков, которые использовали насильственные — можно еще сказать, военные, негражданские — методы для обеспечения более или менее гладкого функционирования бизнеса. К концу 1990-х годов это привело к тому, что в России минималистское государство управляло или, вернее, сосуществовало с негражданским обществом — «негражданским» в том смысле, что само общество решало проблему своей интеграции не мирными и гражданскими, а преимущественно военными и насильственными способами. На повестке дня в такой ситуации мог стоять не только и не столько ремонт дисфункционального государства, но трансформация негражданского общества в мирное, которое бы решало проблему интеграции гражданскими, невоенными мерами. И дружба здесь могла сыграть роль очень важного средства такой мирной интеграции (Хархордин, 1997).

Часто кажется, что Россия пошла другим путем. Сейчас государственное производство услуг насилия якобы снова налажено — по крайней мере об этом неустанно твердят в заявлениях о восстановлении вертикали власти. Тем не менее реальность демонстрирует достаточно примеров использования отдельных репрессивных органов госаппарата как квазичастных подрядчиков для решения коммерческих проблем (например, для устранения конкурента через специально инициированное судебное преследование — так называемое «селективное правоприменение»). Эта практика показывает, что до установления веберовской рационально-легальной системы господства еще очень далеко. Поставки услуг по обеспечению безопасности (читай: по применению различных форм насилия) идут полным ходом, просто происходит это в неформальных, теневых сферах. Задача интеграции общества до сих пор решается преимущественно за счет насильственных средств.

В рамках нашего исследования стоит, однако, отметить следующее. Все современные организации в России — и сугубо гражданские, и основанные на применении военно-насильственных методов — пронизаны сетями дружеского взаимодействия, то есть взаимной помощи и ненасильственного влияния. Дружбы в нашем

мире, как кажется, все еще много, несмотря на то что и насилия немало. Главная проблема построения гражданского общества в России, таким образом, сегодня сводится к необходимости мирной трансформации обширной сферы военных, негражданских отношений, то есть к их преобразению с помощью принципов ненасильственной интеграции, столь свойственных, например, для дружеских сетей. Поэтому принципы дружбы могут и должны использоваться для трансформации негражданского общества в гражданское.

ВОЗРАЖЕНИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВОПРОСЫ

Обычно против такого аргумента сразу выдвигаются два возражения. Согласно первому из них, то, что сейчас называется «дружбой» в России, в действительности есть уже нечто иное, а риторика альтруистической дружбы всего лишь маска для очевидно неальтруистических отношений, где главной целью является персональная выгода. Другое возражение состоит в том, что даже если мы и сумеем найти примеры альтруистической дружбы в России, то она будет эксклюзивной, исключающей: ведь обычно дружат лишь несколько человек, упражняющихся во взаимном благорасположении за счет более широкой публики, на которую оно не распространяется. Однако здесь легко можно найти контраргументы, и недавние работы по концептуализации дружбы помогут нам справиться с обоими возражениями.

Возьмем первое возражение. С одной стороны, «клановая политика», которая часто представляется основной составляющей политической борьбы в России, может быть названа «дружбой» только с большой долей концептуальной натяжки. Как утверждалось выше, несмотря на то что люди, начитавшиеся книг о том, что подразумевают под «дружбой» азиатские и африканские племена, склонны находить феномены, подобные кланам, и в России, «клановая политика» — в данном случае неудачный термин: в действительности мы имеем дело с противостоянием клан, которое ведет к частым столкновениям и потому нестабильно, или с системой патронажа. А снабжение клиентов материальными благами в обмен на личную преданность и политическую поддержку едва ли можно без проблем назвать «дружбой» на современном русском языке. Явное неравенство участников патрон-клиентских отношений не

позволяет людям назвать своих покровителей или начальников «мой друг».

С другой стороны, повседневные обмены товарами и услугами между более или менее равными партнерами все же могут описываться на современном русском языке с помощью термина «дружба». Работы таких социологов, как Пьер Бурдьё и Люк Болтански, помогут нам разобраться со сложным переплетением утилитарных и альтруистических компонентов типичной современной межличностной дружбы между равными. Например, работы Бурдьё показывают, что, описывая повседневные обмены, люди часто называют их «дружкой», потому что сам акт такого называния поддерживает сеть неформального обмена товарами и услугами. Иными словами, такое называние не является чем-то циничным: без него распалась бы сама сеть подобного обмена. Если бы участники дружеских обменов открыто признали, что они занимаются в сущности эквивалентным обменом, то они убили бы саму возможность продолжения таких обменов. Как и в случае с подарками (см. знаменитое «Эссе о даре» Марселя Мосса), когда признание, что в ответ на дар ты ожидаешь со временем получить контрдар более или менее эквивалентной стоимости, убивает сам феномен дарения. А говорить, что вы дружите, а не обмениваетесь услугами, помогает и тот факт, что между услугами есть определенный временной лаг: за услугой не сразу следует контрслужба. Согласно Бурдьё, совместное подавление участниками напоминаний об экономической реальности, лежащей в основе дружбы или дарения, есть неустрашимое условие существования самих этих феноменов (Бурдьё, 2001: глава 6).

Болтански подправил теорию Бурдьё: многие из наиболее дорогих для нас типов человеческих отношений не предполагают использования нами критической способности, свойственной для подозрительного ученого — например, такой, как ее практикует Бурдьё в своих научных описаниях. Выявлять акты эквивалентного обмена, предположительно скрытые за альтруистическим языком, — это действительно профессиональная задача критического социолога. Но в обычной, повседневной жизни именно эта способность часто как раз и не должна быть задействована, если мы хотим сохранить эти ценные для нас отношения. Согласно Болтански, то, что он называет отношениями *agape* или что мы по-русски назовем «настоящей дружбой», может развиться из регулярного обмена подарками

после того, как участники этого обмена начнут сознательно отказываться от подсчета ценности оказанных друг другу услуг или сделанных подарков. В ответ на «Да посмотри, ведь Петя у тебя на шею сидит! Ты делаешь столько, а он...» следует «Не, Петя не такой, я его знаю, он так не мог поступить...» (Boltanski, 1990).

Этот аспект дружбы можно интерпретировать как совместное упражнение в активном забывании, то есть в данном случае отношения основываются не только на совместных инвестициях в них, но и на совместном прекращении актов критической оценки эквивалентности этих инвестиций. В своей известной работе, посвященной неформальным обменам в российском обществе, Алена Леденева использовала некоторые понятия Болтански, но по какой-то причине не воспользовалась концепцией активного забывания (Ledeneva, 1998). На основе работ Леденевой и Болтански можно показать, как отношения самой настоящей дружбы могут возникнуть из очень распространенного отношения повседневного эквивалентного обмена услугами в России. Советский феномен блата, например, то есть обмен услугами доступа к ограниченным благам в условиях экономики дефицита, мог стать началом настоящей дружбы после того, как участники отношений блата прекращали привычное отслеживание ценности обмениваемых услуг и, таким образом, начинали действовать ради самого друга. Итак, даже в советское время самые ценные отношения могли порождать самые альтруистичные. Этот массовый потенциал альтруистического поведения сохраняется и в современной России.

На второе типичное возражение — подчеркивающее эксклюзивный характер современной русской дружбы, препятствующий формированию более массовых агентов публичного действия, — можно ответить так. Современная дружба, по-видимому, стала, прежде всего, частным отношением нескольких индивидов только после эпохальной социальной трансформации, произошедшей в Западной Европе с появлением имперсонального рынка и рационально-легальных бюрократических механизмов. До этого дружба не была заключена в узкие рамки частной жизни, и именно становление рыночных отношений в Новое время загнало ее в эту резервацию. Например, как убедительно показал Алан Сильвер, представители шотландского Просвещения, такие как Адам Смит или Адам Фергюсон, которые одними из первых попытались осмыслить эту переменную, считали, что именно с приходом рынка стали возможны чистые,

бескорыстные эмоциональные отношения между людьми. Теперь, когда обмены товарами и услугами между индивидами регулировались простой и прозрачной рыночной оценкой, не надо было больше заискивать перед вельможами, чтобы эти товары и услуги раздобыть. Ушла эпоха шубы с барского плеча; пришла эпоха знаменитого зеленщика из «Богатства народов», который продаст морковку по равной цене любому, кто предложит ему деньги. В условиях рынка не надо искать благосклонности вышестоящего и набиваться к нему в фавориты — именно эту характеристику прежних аристократических обществ и ненавидели мыслители шотландского Просвещения; в новом коммерческом обществе все могут всё приобрести, были бы деньги. И казалось, что именно в таких условиях людей начнет соединять настоящая личная симпатия, а не соображения выгоды. Слияние душ произойдет по окончании торгов, когда джентльмены зайдут в английский клуб на рюмку портвейна; приятное общение не будет основано ни на чем, кроме межличностного притяжения (Silver, 1997).

Однако до этой трансформации, перенесшей дружбу и наслаждение межличностным общением в сферу частного времяпрепровождения, существовала совершенно иная классическая традиция, согласно которой дружба выступала публичной добродетелью и благом для полиса. Классическая политическая теория знает очень много работ, посвященных такой дружбе. Недавние исследования — взять хотя бы книги Аласдера Макинтайра (2000), Бернарда Яка (Yack, 1993) и Жака Деррида (Derrida, 1997) — заново открыли для нас эту ныне недооцениваемую традицию понимания «политической дружбы», берущую начало от Аристотеля, затем подхваченную Цицероном и Августином и сохраняющуюся вплоть до Монтеня. Действительно, древним грекам и римлянам и, в меньшей степени, раннему христианству было известно, как можно дружить тысячами. Этот опыт может пролить свет и на решение современных проблем. Например, в Греции классического периода различают следующие феномены: во-первых, *hetaereia* (сеть тесных отношений между выросшими вместе равными сверстниками, которые затем вместе боролись за должности внутри полиса); во-вторых, разные типы *philia* и *xenia* (то есть разные типы приязни, в спектре от отношений между близкими родственниками и до гостеприимства при приеме партнерской семьи из дальнего полиса); в-третьих, специфический феномен политической дружбы — *politike philia*. Сейчас будет полезно

сосредоточиться на последнем понятии как наиболее необычном для современного человека.²

Политическую дружбу, как правило, считали разновидностью дружбы ради выгоды, которая предполагала симметричный обмен дарами и услугами. В аристотелевской классификации трех видов дружбы — дружбы ради удовольствия, дружбы ради пользы и добродетельной дружбы — политическая дружба находилась где-то между второй и третьей, высшей, формой дружбы. Дело в том, что хотя партнеры объединялись в политической дружбе ради материальной выгоды, плодом такой дружбы могло стать также и приращение их доблестей и добродетелей. Иными словами, в основе такого объединения лежали симметричный обмен и совместное достижение общих целей, но даже ориентированные на получение выгоды отношения могли при некоторых условиях перейти на следующий, более высокий уровень (Cooper, 1993). Кроме того, *philia politike* выделялась в особую категорию, так как она обладала особой чертой, которой были лишены как дружба ради пользы, так и добродетельная дружба. Эта черта заключалась в следующем: хотя греки считали, что в других своих формах дружба со многими невозможна — в дружбе ради пользы это было чревато слишком большим числом квазиконтрактных обязательств, в добродетельной дружбе это привело бы к неизбежному игнорированию нужд некоторых друзей и, следовательно, к уменьшению собственной добродетельности — в политической дружбе можно было быть другом большому числу сограждан, причем без необходимости проявлять угодность или раболепие, «будучи поистине добрым» (НЭ, 1171а 15).

Подобные исторические экскурсы позволяют понять, как можно использовать потенциал дружеских отношений в России для решения проблем мирной социальной интеграции и развития гражданского общества. Конечно, много вопросов пока остается без ответа. Каким образом можно на практике примирить принципы, на которых

² О каждом термине существует обширная литература. Общий обзор ее см. в: Konstan, 1997. Некоторые считают опыт *hetaereia* самым важным для возрождения политики, основанной на дружбе (см., например: Hutter, 1978). Однако этот тип подразумевает борьбу групп за контроль над полисом и так сильно напоминает сегодняшнюю патрон-клиентскую систему или склоки клик в России, что аргумент Хуттера едва ли представляет альтернативу сложившемуся статус-кво. Я вернусь к обсуждению политики, основанной на феномене *hetaereia*, в последней части настоящей статьи.

сформированы малые межличностные сети, по самой своей идее противостоящие широкому обществу, с требованием интеграции данных сетей в само это общество? Возможно ли трансформировать античный идеал совместного действия ради приращения добродетели таким образом, чтобы он стал отвечать сегодняшней российской реальности, в которой добродетель не является популярным словом и вряд ли станет таковым? Какие принципы дружбы можно использовать для трансформации обширной сферы негражданских, военных способов решения социальных проблем, если мы не пытаемся наивно, как Гена и Чебурашка, подружить всех со всеми? Для ответа на все эти вопросы потребуется, по крайней мере, глубокий анализ и классических источников, и современных работ, переосмысливающих классический опыт. Это задача для дальнейших исследований. Сейчас я лишь попытаюсь обозначить возможные подходы к решению этих вопросов.

АРИСТОТЕЛЕВСКИЕ ВАРИАЦИИ

В политической мысли часто цитируется рассуждение из восьмой книги «Никомаховой этики» Аристотеля: «Дружественность, по-видимому, скрепляет и государства, и законодатели усердней заботятся о дружественности, чем о правосудности... И когда [граждане] дружественны, они не нуждаются в правосудности, в то время как, будучи правосудными, они все же нуждаются еще и в дружественности» (1155a 22–27). Макинтайр, который сделал эту цитату, описывающую функционирование *philia* в полисе, одним из центральных предметов спора между либералами и коммюнитаристами, подчеркивал, что политическая дружба есть необходимая предпосылка существования любого сообщества — как справедливого, так и несправедливого. Для него такая дружба покоится на совокупности личных связей друзей и накладывающихся друг на друга сетей подобных отношений, которые создают базу для выработки совместного проекта жизни в данном полисе. Конечно, он подчеркивал, что политическое сообщество, представляемое как набор дружеских сетей, несовместимо со стандартной либеральной индивидуалистической моделью. Но, настаивал Макинтайр, именно так американцы даже и сейчас склонны представлять себе устройство многих социальных институтов, например школ, больниц и филантропических организаций.